

куссия 1950 года на страницах газеты «Правда» изменила положение Виноградова, и он из гонимого ученого стал руководителем нашей филологической науки. Но это не было сменой одного «аракчеевского режима» другим. Именно благодаря В. В. Виноградову и ряду его коллег стало быстро развиваться лингвистическое разномыслие, в том числе и структуральное направление в языкознании. Этот процесс и эту пору хорошо отражают материалы, опубликованные в нашем журнале за первые 10—15 лет его существования.

До последних лет своей жизни В. В. Виноградов продолжал трудиться, разрабатывая тематику своих ранних лет, много занимаясь историей русского языкознания, фразеологией, словообразованием, синтаксисом предложения, выработкой концепции академической грамматики русского языка, языком писателей, языком художественной литературы, историей русской лексики, историей слов. Еще в середине 30-х годов он задумал создать фундаментальную историческую лексикологию русского языка. Часть подготовительных материалов была им издана, но немалая часть осталась в рукописи, осталась недоработанной до конца. Наш журнал публикует фрагменты из этого лексикологического труда.

Двадцать лет без Виноградова-полемиста, Виноградова-учителя и Виноградова — творческого коллеги не удалили нас от Виноградова-ученого, а скорее приблизили нас к нему, усилили нашу потребность в его научной мысли, в его трудах, которые, к счастью, так активно издаются и будут продолжать издаваться.

Н. И. Толстой

ВИНОГРАДОВ В. В.

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

В Институте русского языка АН СССР под руководством Н. Ю. Шведовой в течение последних трех лет группа редакторов-составителей готовит к печати неизданную монографию акад. В. В. Виноградова «История слов» (предполагается окончить эту работу к концу 1990 г.; после смерти В. В. Виноградова в течение нескольких лет подготовительные работы над отдельными фрагментами рукописи вела Г. Ф. Благова — см. ФН, 1977, № 5). В состав книги войдет около 600 статей и заметок, как частично опубликованных при жизни автора в виде отдельных статей, так и ранее не публиковавшихся и сохранившихся либо в рукописях и машинописных копиях (с авторской правкой или без нее), либо только в рукописях, часто ветхих и малоразборчивых. Монографию предполагается сопроводить подробными комментариями к каждой статье, а также приложением, в которое войдут выборки из трудов В. В. Виноградова, касающиеся истории отдельных слов и фразеологизмов.

Книга по истории слов готовилась акад. В. В. Виноградовым, начиная с 20-х годов, в течение всей его жизни и была задумана как целостное исследование, состоящее из девяти глав, посвященных задачам исторической лексикологии, проблемам слова и значения, анализу лексического состава русского литературного языка с исторической точки зрения, народной, областной и жаргонной лексике, славянизмам и «славенорусизмам», заимствованиям.

Здесь публикуется девять ранее нигде не напечатанных заметок, иллюстрирующих историю преобразованных на русской почве, а также «мнимых» славянизмов; развитие в слове новых значений, свидетельствующих о непрерывности его семантических преобразований; изменение в иерархии значений слова при сохранении его внутренней формы; пути вхождения иноязычных слов и выражений в русский литературный язык, оригинальность приемов их употребления и переосмысления; способы народно-русской ассимиляции, морфологического приспособления слова к русской лексической системе; продуктивность суффиксальных образований имен существительных от именных и глагольных основ, различие в значениях слов, образованных по сходной словообразовательной модели, их синонимические связи.

Заметки подготовлены к печати В. В. Лопатиным (*Охрана, Уничжить — уничтожить*), М. В. Ляпон (*Поклонник, Момент, Мохры*), В. А. Плотниковой (*Застой, Постепеновец, Потусторонний*), Е. П. Ходаковой (*Решимость — нерешимость*). Библиография и цитаты проверены Ю. А. Смирновой. Предваряющие комментарии даются петитом. Нумерация отсылок сквозная.

ОХРАНА

Заметка сохранилась только в машинописи с поправками автора. Рукописи, а также других материалов, касающихся этого слова, в архиве нет.

Заметка подготовлена по машинописи с авторской правкой.

В статье «О новых исследованиях по истории русского литературного языка» (ВЯ, 1969, № 2, с. 15) В. В. Виноградов, полемизируя с Г. Хюттль-Ворт по вопросу о так называемых «неославянизмах» русского языка, писал: «Но есть вопросы и более сложные, например: куда относить... такие слова, как *охрана* (слово, созданное О. И. Сенковским на основе польского *ochrona*)...».

Слово *охрана* кажется давним заимствованием из старославянского языка. Однако этого слова нельзя найти ни в словарях церковнославянского языка (А. Х. Востокова, Ф. Миклошича), ни в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Больше того: в самом русском литературном языке слово *охрана* появилось сравнительно недавно. Это слово — вторичного образования: оно произведено от глагола *охранять* (ср. *похоронить* — *похороны*) или, быть может, от прилагательного *охранный*.

Есть основания предполагать влияние польского языка, в котором есть слово *ochrona*, на рождение слова *охрана* в русском языке. Факты таковы. Слово *охрана* не зарегистрировано ни одним словарем русского языка XVIII и первой половины XIX вв. до «Толкового словаря» В. И. Даля. Ср. у Н. И. Греча в «Воспоминаниях старика» (в «Примечаниях» к ним): «Аракчеев не был взяточником, но был подлец и пользовался всяким случаем для *охранения* своего кармана»¹. Лишь в «Толковом словаре» В. И. Даля под словом *охранять* появляется и *охрана* в таком ряду: «*Охраненье, охрана, охранка, дейст[вие] по гл[аголу]. Охранное войско, гарнизон. Охранный лист, данный властью для охраны кого. Отдать деньги под охрану, на сохраненье. // Охрана, оберег, запись от сглаза или порчи, болезни и пр. // Врачебная охрана, диета в обшир[ом] значен[ии]*»².

В анонимной повести «Авторский вечер» (СПб., 1835), направленной против неряшеств и новшеств языка О. И. Сенковского и редактируемого им журнала «Библиотека для чтения», цитируется такая фраза Сенковского: «Они находятся под *охраною* общественной честности». Главный резонер этой повести — дядя, защищающий чистоту русского классического языка, иронически комментирует это новообразование: «Писатель, может быть, думал, что так как есть слово *опала, остуда*, то почему ж не быть и слову *охрана*? Он, может быть, и прав... Если б теперь употребление и ввело слово *охрана*, то растолкуй мне, почему оно лучше слова *охранение*, которое существует, по крайней мере, со времен Е к а т е р и н ы. *Охрана! охрана!*.. Охранять, сохранять, наблюдать, соблюдать; и от них, охранение, сохранение, наблюдение, соблюдение; а не *охрана, сохрана, наблюда, соблюда*. Вот ведь до какой формации слов может довести жажда новизны. ... Должно преобразовать, но не должно обезобразать» (с. 146—147).

¹ Н. И. Греч. Записки о моей жизни, М.—Л., Academia. 1930, с. 554.

² В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, 2-е изд., СПб.— М., 1881, т. II, с. 802.

Очень возможно, что в языке поляка Сенковского слово *охрана* сложилось не без влияния польского слова *ochrona* «сохранение, бережение, изъятие, условие» (ср. *ochronca, ochroniciel*)³.

В «Толковый словарь» Даля слово *охрана* попало не из предшествующего лексикографического запаса, а прямо из живой речи. Следовательно, к 40—50-м годам XIX в. это слово уже глубоко вошло в систему русского литературного языка и успело даже стать почти официальным термином. Между тем, до 20—30-х годов XIX в. оно не было употребительно. В «Словаре Академии Российской» отмечаются слова: *охранять, охраняться, охранитель, охранительный, охранный* — «служащий охранением, оберегательный». *Охранное войско, охранение*⁴. Но слова *охрана* тогда еще в литературном языке не существовало. Мало того: на это слово не считал удобным сослаться даже консервативный «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. Это слово в 30-х годах и даже в начале 40-х годов еще не было канонизировано Академией наук, т. е. блюстителями старых языковых традиций⁵.

Таким образом, несмотря на старославянское происхождение морфемы *-хран-* (русская параллель *-хорон-*), само слово *охрана* и по происхождению, и по своим функциям не может быть названо ни «церковнославянизмом», ни «старославянизмом».

УНИЧИЖАТЬ — УНИЧТОЖАТЬ

Заметка сохранилась в рукописи, озаглавленной «Уничижать». Текст написан на четырех пронумерованных листах плохой бумаги разного формата: трех листках старых и одном листке сравнительно новом, разными чернилами.

В архиве сохранились также две копии разных лет без авторской правки и одна машинописная копия (на старой пожелтевшей бумаге) с правкой автора. Текст заметки сверен с рукописью и подготовлен по этой копии.

Русская струя пронизывает семантический строй многих славянизмов, так как эти славянизмы в ходе своей смысловой эволюции или подверглись народной этимологизации на основе созвучных русских слов, или вступили с ними в морфологическую контаминацию. Пример — глагол *уничижать* (ср. *уничிжение, уничижительный*).

В древнерусский язык вошел из языка старославянского глагол, образованный из местоименного выражения *ничъже: уничижити* — «обратить в ничто, счесть за ничто, унижить, пренебречь». Например, в Поучении Климента Болг. (по Троицк. сб. XII в.): «Срѣца же съкроушена и сьмѣрена Бѣгъ не оуничѣжить». В силу морфологических чередований кратная форма этого глагола приняла вид *уничижати*. Этот фонетический вариант основы и был затем обобщен: *уничижити — уничижать*: ср. *уничижение, самоуничижение*⁶. Ср. позднее, в XVI—XVII вв., возникшие формы «причастодетия» и «причастодетельного» прилагательного: *уничижительно, уничижительный*. Весь этот круг слов употреблялся в высоком славянизированном стиле и выражал своеобразные оттенки значений, связанные с религиозным представлением о боге, карающем гордыню, превращающем в ничто человеческую самонадеянность. Но

³ J. Schmidt, A. Erdmann. Nowy [kieszonkowy] polsko-rosyjski i rosyjsko-polski słownik. Lipsk, 1845, с. 125.

⁴ «Словарь Акад. Росс.»², СПб., 1822, ч. IV, стлб. 733.

⁵ См.: «Словарь церк.-слав. и рус. яз.», 2-е изд., СПб., 1867, т. III, стлб. 307. В этом словаре нет слова *охрана*.

⁶ См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903, т. III, стлб. 1228—1229.

в XVII—XVIII вв. созвучие с словами *унижать*, *унижение*, *ниже*, ослабление авторитета религиозного средневекового мировоззрения несколько стирают церковнославянскую экспрессивную окраску с лексического гнезда *уничижать* — *уничижить*, *уничижение*, *уничижительный*. Кроме того, утрата этимологической связи с местоимением *ничь(то)* (так как само слово *ничь*, *ничьже* уже к XII—XIV вв. перестало употребляться в книжном языке) привела к изменению древних значений глагола *уничижить* и к сближению их с семантической сферой глагола *унизить* — *унижать*. Понятно, что общий, отвлеченно-психологический ореол семантики этих слов сохранился.

В «Словарях Академии Российской» и в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. *уничижать* истолковывается так: «приводить в презрение, унижать», а *уничижаться* — «унижаться» (ср. в «Толковом словаре...» под ред. Д. Н. Ушакова еще дополнительное объяснение: «подвергать себя, свое самолюбие оскорблениям»). Эта эволюция значений глагола *уничижать*, экспрессивное ослабление их в XVI—XVII вв. вызвали к жизни синонимическое новообразование от местоимения *ничьтоже*. В древнерусском языке было в большом ходу выражение *ни въ что же* со значением: «в ничто, ничтожный, не имеющий значения». Например, в «Повести временных лет»: «Се ни въ что же есть, се бо лежить мертво» (под 6583 г.); в Посл. Симона Поликарпу: «Все бо, елико твориши въ келїи, ни въ что же суть»; в Переясл. лет. (под 6684 г.): «Боляръ ихъ прещенїа ни въ что же положиша»⁷. От *ничьто же* были произведены именные слова *ничьтожьный*, *ничьтожьство*.

По тому же способу, как раньше было сформировано слово *уничьжити*, образуется глагол *ничьтожити*, *уничьтожити*. Он сначала значит то же, что и *уничижити*: «обратить в ничто, превратить в ничтожество». Но в новом слове намечается более тонкая дифференциация значений. С одной стороны, более резко и определенно выступают значения: 1) «превратить в ничто, прекратить существование чего-нибудь, разрушить до основания, погубить, истребить»; 2) «сделать ничтожным, недействительным, лишить значения, отменить, упразднить».

С другой стороны, *уничьтожить* как более сильный синоним постепенно вытесняет и употребление *уничижить* в значении «унизить, умалить чьи-нибудь заслуги, чье-нибудь достоинство, лишить цены, значения». Ср. в «Похождениях Жилблаза де Сантилланы» Г. Лесажа (пер. Вас. Теплова, СПб., 1781—1783): «Я тебе сказываю наперед, что он очень горд. Он любит, чтоб все служители перед ним себя уничтожали» (т. I, стр. 299). Ср. там же: «...королева, ненавидя ее смертельно, взирала на ее слезы с радостью. Сие не устрашило графиню, и она уничижала себя столь много, что просила придворных госпож королевы, чтоб она замолвила за нее слово» (т. IV, стр. 327—328).

ЗАСТОЙ

Заметка сохранилась в рукописи, написанной на ветхой плохой бумаге черными потускневшими чернилами. Части строчек во многих местах расплылись. В архиве есть также машинописная копия (3 экз.) без авторской правки. Текст заметки подготовлен по авторской рукописи.

Слово *застой* в древнерусском языке означало: 1) «Остановка, простой». *Бывает на море кораблям застой* (Акты Историч., IV, стр. 478). // «Вя-

⁷ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895, т. II, столб. 455.

лость, недостаточная интенсивность в торговле, в хозяйственных делах». 2) В торговом диалекте: «нераспроданные вовремя съестные или кормовые припасы». *Много было застою в продаже, рыбы, мяса, сена* (ср. застойное сено).

С этими значениями были тесно связаны и позднее развившееся медицинское значение: «болезненная задержка кровообращения» (ср. в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г.: *Застой в крови, в соках*)⁸, и разные областные народные значения, например: «место, где рыба стоит или останавливается» (ср. в «Описании земли Камчатки» Крашенинникова, т. I, стр. 17).

Социально-политическое значение этого слова: «отсутствие прогресса, полная остановка развития в общественной жизни и культуре» — сложилось не ранее 40—50-х годов XIX в., т. е. в тот период, когда распространились понятия: прогресс, прогрессист, прогрессивный, передовой, отсталый, ретроград.

В «Воспоминаниях» Феокистова: «Он [М. Н. Катков] был непримиримым врагом застоя, и ум его неустанно работал над вопросом, каким образом можно было бы вывести Россию на благотворный путь развития»⁹.

ПОКЛОННИК

Заметка сохранилась в рукописи на четырех листках, пронумерованных карандашом (бумага — разного качества: третья и четвертая странички — на желтой, старой оберточной бумаге, текст написан черными чернилами; вторая страничка — на старой бумаге, но другого качества, чернила черные, потускневшие; первая страничка — на листке в линейку, написана карандашом). В архиве есть также машинописная копия заметки в 3-х экземплярах без авторской правки.

Текст заметки подготовлен по рукописи.

Не подлежит сомнению, что книжно-славянский отпечаток лежит на именах существительных с суффиксом *-ник*, произведенных от глагольных основ: *наставник, заступник, преступник, наследник, работник, противник, клеветник, рассадник*.

Слово *поклонник* в языке древнерусской письменности было культовым выражением (ср. *идолопоклонник*). Унаследованное русским языком из языка старославянского, оно обозначало: «человек, поклоняющийся, молящийся (богу), почитающий бога» (ср. в Остром. Еванг., Изборник 1073 г., в Гр. Наз. XI в.)¹⁰. В деловом языке для обозначения лица, являющегося с поклоном и дарами, было образовано слово *поклоньщик* (ср. в IV Новг. Летоп. 6955 г.: «Присла поклоньщики въ Новгородъ, Новгородьци же послаша послы... и князь Дмитрии крестъ цѣлова на встѣхъ старинахъ»)¹¹ (ср. *изменник* и *изменщик*; *советник* и поздн. *советчик*). В этом культовом значении слово *поклонник* дожило до XVIII в. В «Словарях Академии Российской» отмечено лишь это одно значение: «Поклонник, ка, с. м. 2 скл. *Поклонница*, цы, с. ж. 1 скл. Богопочитатель, богомолец. *Истинни поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною*. Иоан. 4. 23»¹².

⁸ «Словарь церк.-слав. и рус. яз.», 2-е изд., СПб., 1867, т. II, стлб. 121.

⁹ Е. М. Феокистов. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., Прибой, 1929, с. 222.

¹⁰ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, СПб., 1895, т. II, стлб. 1109.

¹¹ Там же.

¹² «Словарь Акад. Росс.»², СПб., 1822, ч. IV, стлб. 1398.

Однако в поэзии XVIII в. слово *поклонник* теряет свои религиозно-культовые оттенки. Оно переносится в стили любовной лирики и получает общее эмоциональное значение «почитатель» (ср. изменения значений глагола *обожать*, *обожатель*). Это значение впервые зарегистрировано в Академическом «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. Здесь указываются два значения слова *поклонник*: «1) Поклоняющийся Богу, святыне. 2) Почитатель. *Поклонник красоты*»¹³. Ср. у Пушкина в «Евгении Онегине»: «Поклонник Канта и поэт».

В «Толковом Словаре» В. И. Даля отмечается третий этап в эволюции значений этого слова. В разговорной речи 20—30-х годов слово *поклонник* (так же, как и *обожатель*) стало в абсолютном употреблении, т. е. независимо от сочетания с родительным падежом объекта, обозначать влюбленного, увлеченного обожателя. Например, у Пушкина: «Она окружена была поклонниками».

У Даля читаем: «Поклонник [м], -ница, [ж] — поклоняющийся кому, чему-либо (Богу, Святым местам, мощам). // Почитатель, обожатель, преданный слуга; // влюбленный. *Он поклонник всех пиров. У нее много поклонников и обожателей*»¹⁴.

В современном русском языке — с существенными стилистическими изменениями и с иной экспрессивной окраской — выделяются в слове *поклонник* три значения: 1) Восторженный почитатель. *Он — поклонник Пушкина. «Таланты и поклонники»* (название пьесы А. Н. Островского). 2) Влюбленный, ухаживатель. «*Уж не он ли? спрашивал я самого себя, тревожно перебегая мыслью от одного ее поклонника к другому*» (Тургенев). 3) Человек, почитающий кого-нибудь в качестве божества или святого (книжн. устар.). *Поклонники Магомета. Поклонники Будды*¹⁵.

Таким образом, «иерархия значений слова» (пользуясь выражением Ж. Вандриеса) резко изменилась, экспрессивные оттенки стали более риторическими и изысканными, но внутренняя форма осталась почти та же.

ПОТУСТОРОННИЙ

Заметка сохранилась в авторской рукописи, состоящей из четырех листов бумаги разного формата; страницы пронумерованы автором. Текст написан выцветшими черными чернилами и карандашом. В архиве имеются также машинописная копия с авторской правкой, гранка и верстка, правленные рукой автора.

Текст заметки подготовлен по машинописи с авторской правкой.

Многие иностранные слова сначала употребляются в русском языке как «цитаты», как чужезычная примесь. В тех случаях, когда такое применение чужих слов и выражений вызывается не модой и не индивидуальным двуязычием, а отсутствием соответствующих слов и значений в семантической системе самого русского языка, возникает естественное стремление или к созданию своих национальных эквивалентов для выражения тех же мыслей, или к русификации, к национализации чужого слова. Для внедрения нового слова в лексическую систему русского языка необходима благоприятная социально-идеологическая почва.

¹³ «Словарь церк.-слав. и рус. яз.», 2-е изд., СПб., 1867, т. III, стлб. 646.

¹⁴ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. СПб. — М., 1912, т. III, стлб. 622.

¹⁵ «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. М., 1939, т. III, стлб. 496.

Слово — *потусторонний* появилось в русском литературном языке не ранее 30—40-х годов XIX в. Оно было внушено идеалистическими системами немецкой философии, главным образом, влиянием Шеллинга. Оно употреблялось сначала или как эпитет к слову *мир* («потусторонний мир»), или как субстантивированное прилагательное среднего рода. С морфологической точки зрения *потусторонний* представляет собою как бы производную (с помощью относительного суффикса -н') форму прилагательного, связанного с словосочетанием — *по ту сторону*. *По ту сторону* — это эквивалент русского выражения — *там свет*.

По ту сторону — потусторонний — это переводы немецких *jenseits, jenseitig*.

Аполл. Григорьев в «Листках из рукописи скитающегося софиста» (1843—1844) еще пользуется немецким *jenseits* для выражения потустороннего:

«С чего бы я ни начал — я приду всегда к одному: к глубокой, мучительной потребности верить в идеал и в *jenseits*. Все другие вопросы проходят мимо меня: сен-симонизм в своих последних, или по *их*, разумных результатах мне противен, — ибо я не могу ничего найти успокоительного в мысли о китайски-разумном идеале жизни. Оттого — ко всему я в состоянии божественной иронии, ко всему, кроме *jenseits*»¹⁶.

Слово *потусторонний* не отмечено ни одним толковым словарем русского языка до словаря Даля включительно. Широкое употребление этого слова в значении: нездешний, загробный, неземной в стилях книжного языка наблюдается не ранее 80—90 гг. XIX в. Впервые ввел это слово в толковый словарь русского языка И. А. Бодуэн де Куртене. Он поместил его в «Толковом словаре» Даля с пояснением и с скрытой цитатой.

«Потусторонний, по образцу немецкого *jenseits, jenseitig*, по ту сторону лежащий, находящийся; относящийся к предполагаемой загробной жизни. «Лионель, душе которого были присущи страстные стремления к идеальному, к *потустороннему*, не выносит позитивного воспитания и убегает от холодной скуки здешней жизни, путем самоубийства, к неведомому для него Богу»¹⁷.

МОМЕНТ

Заметка сохранилась в рукописи на четырех пронумерованных листках ветхой пожелтевшей бумаги, чернила сильно потускнели. На отдельном листке карандашом автором сделана выписка из «Дневника» Ф. Е. Орлова (бумага тоже очень старая, но другого качества); эта цитата включается в текст заметки.

В архиве есть также машинописная копия в трех экземплярах без правки автора. Текст заметки подготовлен по авторской рукописи.

К слову *момент* В. В. Виноградов обращался также в книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове». Говоря о развитии «местоименных» значений у существительных *вопрос, дело*, он писал: «По-видимому, в современном языке сюда же примыкает слово *момент*». Далее в сноске: «Слово *момент* в этом газетном значении, по-видимому, вышло из сферы военного языка, в котором оно укрепилось во второй половине XIX в. Так, Н. С. Лесков писал в „Печерских антиках“: „Слово „момент“, впоследствии основательно истасканное нашими военными ораторами, кажется, впервые было пущено Берлинским и с его легкой руки сделалось необходимым подспорьем русского военного красноречия“. В философско-публицистических стилях 30—50-х годов это слово было тесно связано с терминологией гегельянства. Ср. в „Рудине“

¹⁶ А. Григорьев. Воспоминания. Л., 1980, с. 86—87.

¹⁷ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, 4-е изд., СПб.—М., 1912, т. III, стлб. 939. Приведенная цитата, очевидно, взята И. А. Бодуэном де Куртене из газетно-журнальной рецензии на русский перевод книги М. Корелли «История детской души» (The mighty Atom — «Могущественный Атом»), 1897 (изд. К. П. Победоносцева).

Тургенева: „Эти господа [Рудин и подобные ему] все развиваются: другие, например, просто спят или едят — а они находятся в момент развития сна или еды“ (слова Пигасова, гл. XII). После сноски читаем: «Но и дело и момент, сближаясь по своеобразию своих лексических значений с местоимениями, остаются именами существительными со всем комплексом свойственных им форм» (В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947. С. 325).

Интереснее всего установить принципы и методы включения заимствованного слова в русскую семантическую систему и последующего его смыслового развития. Тут намечаются не только пути интернациональных языковых связей, но и оригинальные приемы национального русского употребления и переосмысления европеизмов. Примером может служить слово *момент*. Оно вошло в русский литературный язык из латинского языка (*momentum*) и обозначало до 20-х гг. XIX в. «миг, мгновение, кратчайший отрезок времени». Кроме того, в языке физико-математических наук это слово обозначало «двигающее начало».

Особенно известно было выражение *момент силы*. Этим термином обозначалось произведение силы на кратчайшее расстояние от линии направления силы до оси вращения (рычага, тела, системы и т. д.)¹⁸.

В философском словаре 20—30-х годов XIX в. слово *момент* под влиянием терминологии, свойственной немецким идеалистическим системам Шеллинга и Гегеля, получает более широкое значение: «Этап, стадия в развитии чего-нибудь», а затем: «акт, составная часть какого-нибудь сложного процесса, действия». Это значение реализуется в своеобразных фразеологических оборотах. Например, у В. Г. Белинского: «*Распадение и разорванность* есть момент духа человеческого, но отнюдь не каждого человека. Так точно и *просветление*: оно есть удел очень немногих... Чтобы понять значение слов *распадение, разорванность, просветление*, надо или пройти через эти моменты духа, или иметь в созерцании их возможность»¹⁹.

В Дневнике Ф. Е. Орлова (1869—1872 гг.) приводится в переводе текст немецкого студенческого воззвания: «Мы убеждены, что несмотря на все другие различия в национальности и в роде занятий, в целях нас будут соединять два общих двигателя (Momente): н а у к а ... и м о л о д о с т ь»²⁰.

Вместе с тем в военном языке второй половины XIX в. образуется своеобразный оттенок значения слова *момент*: «удобный, подходящий случай, ситуация, надлежащий миг, самое целесообразное время для какой-нибудь военной операции».

На почве этого словоупотребления складывается военное жаргонное применение слова *момент* к лицу: *момент* — «это обер-офицер генерального штаба, командное лицо, принадлежащее к генеральному штабу, генштабист, офицер, окончивший Академию генерального штаба». Например, у А. А. Игнатьева в книге «Пятьдесят лет в строю»: «А я вот решил готовиться в академию. А то завязнешь, как завязли в полку наши милые старички».

— Да, конечно, академия, — задумчиво ответил Чертков, — но не люблю я „моментов“.

Так называли тогда генштабистов за пристрастие многих из них к таким выражениям, как: „надо поймать момент“, „это момент для атаки“, и т. п.»²¹.

¹⁸ См.: «Словарь церк.-слав. и рус. яз.», 2-е изд., СПб., 1867, т. II, стлб. 673.

¹⁹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 2, с. 462.

²⁰ Ф. Е. Орлов. Дневник заграничной командировки 1869—1872 гг. М., 1898, с. 31.

²¹ А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю, кн. 1 и 2, М., 1941, с. 98.

Ср. также: «Отзывы Гриши Черткова о „фазанах“ и „моментах“ были ходячей характеристикой офицеров генерального штаба. И в гвардии и в армии академию считали специальным поприщем для карьеристов и ловчил»²².

В газетно-публицистическом стиле конца XIX в. у слова *момент* развивается — на основе значения «составная часть процесса, действия» — более общее значение «сопутствующее обстоятельство, отдельная сторона, деталь какого-нибудь явления».

МОХРЫ

Заметка сохранилась в рукописи на двух пронумерованных листках, написанных светло-синими чернилами (бумага старая). В архиве есть также две карточки, на которых рукой автора сделаны библиографические выписки для сносок, вошедших в текст, и машинописная копия в трех экземплярах без авторской правки.

Заметка подготовлена по авторской рукописи.

Принцип народнорусской ассимиляции, морфологического приспособления к русской лексической системе дает себя знать в истории слова *мохры*, этимологически связанного со словом *бахрама*. Слово *бахрама* восходит к араб. *takraite*. Это слово, проникнув в диалекты, дало ряд лексических и морфологических новообразований, с какими оно встречается и в XIX в., что зафиксировано диалектологическими словарями. «Опыт областного великорусского словаря» (СПб., 1852, с. 8) дает форму *бахмара* с основным значением²³. В материалах древнерусского словаря основное значение определяется так: «бахрама — род тесьмы с мягко падающими с одной стороны плетеными нитями и прядями (шелковыми, золотыми, серебряными)». В диалекты проникла форма, более близкая этимону: «*мохра́, Ы с. ж. Кисть бахрамы*»²⁴. Здесь наблюдаем типичную в иранизмах на русской почве замену заднеязычного эксплозивного фрикативным и этимологизацию (контаминацию?) с русским *мох*. Очевидно, на основе ее образовалась форма *мохры*. *Бахрома с золотыми мохрами* (В. Даль, изд. 2-е, II, стр. 359). В этой же связи стоит *махрятник* — «мелочной торгаш, коробочник, офеня». «Махрятничать — промышленать разноскою в народе мелочных товаров по деревням» (В. Даль, II, стр. 315)²⁵.

ПОСТЕПЕНОВЕЦ

Заметка написана на четырех листках разного формата, страницы пронумерованы автором. Основная часть написана на плохой изветшавшей бумаге (две страницы) черными выцветшими чернилами и карандашом, имеются вставки внутри текста, вписанные красными и черными выцветшими чернилами, а также в виде двух отдельных листков. Чтение рукописи затруднено.

В архиве есть также машинописная копия и гранка; то и другое — с авторской правкой. Заметка подготовлена по гранке.

В русском литературном языке XIX — начала XX в. приобрел большую продуктивность, большую жизненную силу тип образования имен

²² Там же, с. 99.

²³ См.: «Бахмара — бахрома. (Тул. губ. Нов. у. Залегощ. вол. Д. Нижн. Залегощ и др.)» — Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний, СПб., 1904, стр. 114.

²⁴ «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря», СПб., 1858, стр. 118. Ср.: «Мохры — головной платок с бахромой, образующий на голове мохнатую повязку в виде турецкой чалмы. (Орл. г. Орл. у.)» (Е. Ф. Будде, указ. соч., стр. 127). Ср. *мушара* — золотая бахрома.

²⁵ Е. К. Бахмутова. Иранские элементы в деловом языке Московского государства, «Уч. зап. Казанского пед. ин-та. Факультет языка и литературы», вы. III, 1940, стр. 49.

существительных от именных и даже наречных основ с помощью суффикса *-овец*. Например, *толстоовец*, *искровец*, *впередовец*, *кружковец*, *вузовец*, *мхатовец*, *метростроевец* и т. п. Легко заметить, что эти образования соотносительны с именами прилагательными на *-овый*, и *-овский* (ср. *толстовский*, *искровский*, *вузовский*, *кружковый*, *мхатовский* и т. п.). Отыменные слова этого типа начинают все активнее производиться в русском литературном языке с середины XIX в. Во второй половине XIX в. расширяется круг основ, которые вступают в непосредственное сочетание с сложным суффиксом *-овец*. Зародыши этих новых словообразовательных типов отыскиваются в далеком прошлом.

Среди предвестий таких современных неологизмов на *-овец*, в которых суффикс *-овец* выступает как цельная, самостоятельная форманта, особый интерес представляет слово — *постепеновец*. Оно образовано от имени прилагательного *постепенный* с помощью суффикса *-овец*. Кажется, этому слову нет полных параллелей среди других слов на *-овец*. *Постепеновец* — разговорно-интеллигентское слово с публицистической окраской. Оно оформилось в 60-е годы XIX в., но особенно широко распространилось в русском литературном языке, в его журнально-публицистическом и разговорно-интеллигентском стилях в 70—80-е годы. Оно обозначает сторонника медленного, поступательного, постепенного развития прогресса, противника решительных революционных методов. «Искра» 60-х годов иронически называла «Северную почту» официально-постепенно-либеральной газетой²⁶. Позднее было образовано и отвлеченное слово — *постепеновщина*, получившее еще более пренебрежительную окраску и обозначающее: отрицание решительных, революционных методов.

Очень типично употребление этого слова у И. С. Тургенева в романе «Новь» (1876): «Соломин — и тот заметил, что есть две манеры выжидать: выжидать и ничего не делать — и выжидать да подвигать дело вперед.

— Нам не нужно постепеновцев, — сумрачно проговорил Маркелов.

— Постепеновцы до сих пор шли сверху, — заметил Соломин, — а мы попробуем снизу».

В воспоминаниях доктора Н. А. Белоголового о М. Т. Лорис-Меликове: «По политическим своим убеждениям — это был умеренный постепеновец, который не мечтал ни о каких коренных переворотах в государственном строе и признавал их положительно пагубными в неподготовленных обществах, но, непоколебимо веруя в прогресс человечества и в необходимость для России примкнуть к его благам, крепко стоял на том, что правительству необходимо самому поощрять постепенное развитие общества и руководить им в этом направлении» (Русская Старина, стр. 584, сентябрь, 1889).

У А. П. Чехова в письме А. Плещееву (от 4 октября 1888 г.): «Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист»²⁷.

У Д. Н. Мамина-Сибиряка в романе «Ранние восходы» (1896):

«Людей можно разделить на героев и простых смертных, — говорил он. — Героев немного и геройство не обязательно, да и смешно немного, если кто-нибудь считает себя таковым. Значит, прежде всего нужно быть самым простым смертным и добросовестно делать свое дело! У нас везде порыв, увлечение, скачки, а кто же будет делать черную работу? Я так

²⁶ М. К. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX ст., СПб., 1904, с. 177.

²⁷ Русские писатели о литературе, Л., 1939, т. II, с. 429.

и смотрю на жизнь... Мы будем делать свое маленькое дело, а герои в свое время найдутся. Им и книги в руки... Это немножко скучно и прозаично, но так уже складывается наша жизнь.

С этими прозаическими размышлениями были несогласны и Лукина, и Морозова, и Борзенко, которые называли Жиличко „постепеновцем“ и спорили с ним до хрипоты»²⁸.

В романе «Восьмидесятники» А. В. Амфитеатрова: «...все дороги ведут в Рим, а я постепеновец и терпеть не могу сальто-мортале и диких прыжков»²⁹.

РЕШИМОСТЬ — НЕРЕШИМОСТЬ

Заметка сохранилась в неозаглавленной рукописи, состоящей из трех непропунерованных листков относительно старой бумаги разного формата, цвета и качества. Текст написан, судя по чернилам (синим и черным), в разное время. Одна вставка (в две строки) сделана карандашом. Сохранилась также машинописная копия без авторской правки в трех экземплярах.

Заметка подготовлена по рукописи.

Слова *решимость*, *нерешимость* в современном русском языке связываются с другими, более новыми словами на *-мость* типа *возбудимость*, *раздражимость* и т. п. Между тем слово *решимость* более старого происхождения и семантически выделяется из привычного круга слов на *-мость*. В самом деле, *решимость* обозначает способность решиться на что-нибудь, смелость в принятии и осуществлении решений. А. Х. Востоков определял *решимость* непосредственно как «деятельное мужество». Следовательно, слово *решимость* предполагает не пассивное, а активное значение формы *решимый*. Недаром слово *решимость* в литературном языке XIX в. сблизилось с *решительность*, как с своим частичным синонимом. Например, в статье М. Лобанова «Жизнь и сочинения Н. И. Гнедича»: «...непоколебимая *решительность* Гнедича перевести Илиаду размером подлинника» и тут же: «Довольный своею мужественною *решимостью*, он углублялся более и более в тайны гармонии»³⁰.

Слово *решимость* в значении: «твердое на что-либо предприятие, намерение» уже зарегистрировано «Словарями Академии Российской»³¹.

Ср. у Г. Р. Державина в «Записках»: «...Императрица ... отсылала раз шесть с нерешимостью (= отсутствием решения) докладчика, говоря, что он еще в делах нов». (Соч. Г. Державина, 2-е изд., СПб., 1876, т. VI, с. 601). Ср.: «...вдруг нерешимый узел всех долгов графа Чернышева развязался» (там же, стр. 679).

Г. Р. Державин употребляет слово *решимый* как прилагательное в значении: «смело принимающий решения, решительный».

«Решим без скорости, спокоен. (Ум. 498, 11)»³².

В записке генерал-поручика Ржевского «О русской армии» при Екатерине: «Дело Борзова, другое Стратиновича так важны по нерешимости их, что они всю службу и субординацию с основанием искореняют, утверждая на место того наглость, неподчиненность и бесстрашие»³³.

²⁸ Д. Н. Мамин-Сибиряк. Полн. собр. соч., т. 7, Пг., 1916, с. 237.

²⁹ А. В. Амфитеатров. Собр. соч., т. 12, СПб., 1911, Восьмидесятники, кн. II, с. 54.

³⁰ «Труды Имп. Росс. Академии», СПб., 1842, ч. V, с. 34, 35.

³¹ См.: «Словарь Акад. Росс.»², СПб., 1822, ч. V, стлб. 1130.

³² Г. Р. Державин. Соч. СПб., 1883, т. IX, с. 421 (Словарь).

³³ «Русский архив», 1879, № 3, с. 358.

Эти примеры показывают, что абсолютное (т. е. не зависимое от определения в форме родительного падежа имени существительного) употребление слов *решимость* и *нерешимость* было особенно широко распространено в официально-деловом языке XVIII в. По-видимому, в его недрах и сложилось новое значение слова *решимость*.

В самом деле, глагол *решишь* в русском языке XVII—XVIII вв. мог употребляться в высоком стиле с старославянским значением: «освободить, давать свободу» (ср. *вязать* и *решишь*; ср. *разрешишь*). Но это употребление к концу XVIII в. уже отмирало. И слово *решишь* сохраняло два основных значения: 1) деловое: «Мнением своим заключать, приговор делать, определять. *Решишь дело. Решишь сумнение какое. Решишь тяжбу. Решишь ссору*»; 2) научно-школьное: «По правилам какой-либо науки находить искомое, желаемое. *Решишь предложенный вопрос, задачу*»³⁴.

Общие, отвлеченные значения и употребления слова *решишь* — «определить смысл чего-нибудь, найти ответ на что-нибудь, избрать образ действий, прийти к практическому выводу» — сложились уже на рубеже XVIII и XIX вв.³⁵

От делового значения «рассудить, составить приговор, решение» нельзя отделять и такое употребление глагола *решишь* в поэтическом языке Державина:

Ты можешь сам себя решить:

Почтенну ль быть тебе с Сократом,

Или презренну с Геростратом? (Ков. 322, 14)³⁶.

³⁴ См.: «Словарь Акад. Росс.»², СПб., 1822, ч. V, стлб. 1131.

³⁵ Ср. «Словарь церк.-слав. и рус. яз.», 2-е изд., СПб., 1867, т. IV, стлб. 173—174.

³⁶ Г. Р. Державин. Соч., СПб., 1883, т. IX, с. 421.